

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 199–208.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 1 (78). P. 199–208.

Научная статья
УДК 12
doi: 10.54398/1818510X_2024_1_199

**АНТРОПОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. П. ПЛАТОНОВА**

Холоднова Ксения Николаевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

kholodnovaksenia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

Аннотация. В статье автор сопоставляет понимание сознания человека в творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова. Основными произведениями, задействованными в исследовании, становятся повести А. П. Платонова «Котлован» и роман «Чевенгур», а также произведения Ф. М. Достоевского «Двойник» и «Записки из подполья». Вспомогательными методами научной статьи являются сравнительный и текстологический анализ, а основным – антропологический, как такой, который поможет достичь цели данной статьи, а именно: выявить разницу в понимании сознания и раздвоенности человека во взглядах Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова. И в том и в другом случае причиной двойственности человека становится наличие у него сознания. Научная новизна исследования состоит в том, что автор, давая сравнительный анализ пониманию сознания человека в пространстве философии Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова, приходит к выводу о том, что двойственность человеческой природы, порождённая сознанием, имеет у мыслителей одну и ту же причину, однако совсем разные следствия. «Усиленно сознающий» человек Ф. М. Достоевского благодаря сознанию подвергает сущее радикальной редукции, освобождая место для внутреннего. Он грезит и живёт в мире данного, а не сущего, т. е. удваивает мир до картины мира, наполняя таким образом реальность смыслами, созданными в горизонте сознания. Сознание у А. П. Платонова также влечёт за собой двойственность человеческого существования, однако эта двойственность воспринимается человеком исключительно трагически. Оторванность человека от мира и невозможность слиться с ним порождает в героях А. П. Платонова ощущение бессмысленности мира, горечь и страх. Кроме того, сама двойственность человека по-разному понимается мыслителями. «Двойственный человек» Ф. М. Достоевского – это тот, кто раздвоен внутри одного своего сознания, распят между действительностью и грезой, а «двойственный человек» А. П. Платонова – этот тот, кто страдает от невозможности соединить внутреннее и внешнее, что оборачивается для него формулой «горе во мне живет как вещество» (А. П. Платонов).

Ключевые слова: сознание, абсурд, философская антропология, Ф. М. Достоевский, А. П. Платонов, человек, «подпольный человек», А. Камю, «двойственный человек», грёза

Для цитирования: Холоднова К. Н. Антропология сознания в творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 199–208. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_199.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE ANTHROPOLOGY OF CONSCIOUSNESS
IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY AND A. P. PLATONOV**

Ksenia N. Kholodnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

kholodnovaksenia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

Abstract. In the article, the author compares the understanding of human consciousness in the works of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov. The main works involved in the study are the novellas by A. P. Platonov “The Pit” and the novel “Chevengur”, as well as the works of F. M. Dostoevsky “The Double” and “Notes from the Underground”. The auxiliary methods of the scientific article are

comparative and textual analysis, and the main one is anthropological, as such, which will help achieve the purpose of this article, namely: to identify the difference in understanding consciousness and human duality in the views of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov. In both cases, the reason for a person's duality is the presence of consciousness in him. The scientific novelty of the research lies in the fact that the author, giving a comparative analysis of the understanding of human consciousness in the space of philosophy by F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov, comes to the conclusion that the duality of human nature generated by consciousness has the same reason among thinkers, but completely different consequences. The “intensely conscious” person of F. M. Dostoevsky, thanks to consciousness, exposes existence to radical reduction, freeing up space for the inner. He dreams and lives in the world of the given, not the existent, i.e. doubles the world to a picture of the world, thus filling reality with meanings created in the horizon of consciousness. Consciousness in A. P. Platonov also entails the duality of human existence, but this duality is perceived by a person exclusively tragically. The isolation of a person from the world and the inability to merge with it generates in the heroes of A. P. Platonov a sense of the meaninglessness of the world, bitterness and fear. In addition, the very duality of man is understood differently by thinkers. The “Dual man” by F. M. Dostoevsky is someone who is divided inside one of his consciousness, crucified between reality and a dream, and A. P. Platonov's “dual man” is someone who suffers from the inability to connect the inner and the outer, which turns into the formula for him “grief lives in me like a substance” (A. P. Platonov).

Keywords: consciousness, absurdity, philosophical anthropology, F. M. Dostoevsky, A. P. Platonov, man, “underground man”, A. Camus, “dual man”, dream

For citation: Kholodnova K. N. The anthropology of consciousness in the works of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 1 (78), pp. 199–208. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_199.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Вопрос о том, что такое сознание, пожалуй, один из тех, что наиболее волнует философию, когда речь заходит о человеке. Философы и писатели на протяжении всей истории интеллектуальной мысли пытались ответить на него и часто отвечали совсем по-разному. Также можно с уверенностью сказать, что этот вопрос хотя бы раз в жизни задаёт себе каждый человек. На сегодняшний день попытка вопрошать об этом становится актуальной как никогда. Ведь в текущей действительности мы то и дело слышим о том, что искусственный интеллект уже обладает сознанием.

В философии мы наблюдаем за тем, как человек постепенно вытесняется с привилегированной позиции в мире, и для того, чтобы мыслить в ногу со временем, согласно М. Фуко, теперь нужно пребывать «в пустом пространстве, где уже нет человека» [18, с. 361]. При этом такая пустота «не означает нехватки и не требует заполнить пробел» [18, с. 361], она означает лишь появление пространства для мышления. Мышление без человека становится философской обыденностью, а в мире тем временем всё чаще возникает вопрос: будет ли человек заменён роботами в большинстве сфер своей деятельности? Всё это побуждает нас вновь обратиться к человеку и предпринять попытки отстоять его онтологическую инаковость и привилегии существования. В этой связи мы продолжаем утверждать, что человек является единственным существом, обладающим сознанием, и именно понимание этого феномена поможет нам очертить сферу специфически человеческого в мире. Кроме того, это также защитит человека от попыток вытеснить его постчеловеческими сущностями, что как никогда актуально в текущей действительности, характерным признаком которой является ускоренная технократизация.

Русская философия, которая традиционно в своей сердцевине была глубоко антропологична, и сегодня предоставляет нам пространство для любых вопрошаний о человеке. Главным источником русской философской мысли можно смело назвать литературу. Данная идея высказывалась неоднократно большим количеством русских мыслителей, например С. Н. Булгаковым, Г. С. Померанцем, И. А. Ильиным,

С. Г. Семёновой, а из ныне живущих – Ф. И. Гиренком, который в беседе с представителем «Литературной России» сказал: «Русская литература всегда казалась мне странной. У всех она просто литература. У нас она ещё и философия. В ней, как в сундуке, хранится наше сознание. Наши философы – это писатели, а литература – это критический минимум русского сознания» [3, с. 1]. Памятуя об этом, мы решили обратиться к творчеству Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова для того, чтобы понять, что такое сознание человека, для чего оно ему нужно и как оно связано с поиском смысла его жизни.

Основная часть

Серьёзная философская проблема

Альбер Камю (1913–1960) в своём произведении «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» (1942) сказал о том, что в действительности в философии существует только одна по-настоящему серьёзная проблема – это проблема самоубийства. Для того чтобы её разрешить, нужно ответить на вопрос: «стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить?» [11, с. 24]. Ответить на этот вопрос, значит, ответить на фундаментальный вопрос философии. Важным также кажется и то, что на этот вопрос не только нужно ответить, но и предпринять ряд действий после того, как ответ найден. То есть в случае отрицательного ответа человек неизбежно приходит к самоубийству, как к единственному способу вырваться из обесмысленного и абсурдного мира. Таким образом, получается, что философия не остаётся чистым теоретизированием, а влечёт за собой вполне реальные жизненные последствия, что и делает в конечном итоге ответ беспрецедентно значимым. Откуда вообще, согласно Камю, в человеке возникает этот вопрос? «Червь сидит в сердце человека, там его и нужно искать», – отвечает Камю [11, с. 25]. – «Стоит мышлению начаться, и оно уже подтачивает» [11, с. 25]. Начало мышления подтачивает грёзы, которые до определённого момента закрывают от человека реальность. При помощи иллюзий и видений у человека получается объяснять самому себе мир, а значит, делать его для себя знакомым, пусть даже этот мир будет казаться ему дурным. Но если человек больше не может ни познавать, ни подпитывать самого себя иллюзиями, то в этом мире он становится посторонним, он лишается и памяти, и надежды. Вот «чувство абсурдности и есть этот разлад между человеком и его жизнью, актёром и декорациями» [11, с. 26]. Осознание отсутствия смысла, бесполезности страдания, невозможности понять жизнь и отсутствие чёткого ответа на вопрос о том, для чего продолжать жизнь, – всё это причины, которые, согласно Камю, толкают человека, который не боится себе в этом признаться, на самоубийство. Однако такой вид бунта против абсурдности жизни не есть чистое отрицание. По Камю, «если бунтовщик готов погибнуть, ... он действует во имя пусть ещё неясной ценности, которая, он чувствует, равно присуща как ему, так и всем другим» [10, с. 129].

Среди исследователей распространено мнение о том, что предтечей экзистенциализма, а именно к этому философскому направлению относится А. Камю, стал Ф. М. Достоевский. Ж. П. Сартр в своей работе «Экзистенциализм – это гуманизм» писал: «Достоевский как-то писал, что “если Бога нет, то все дозволено” это – исходный пункт экзистенциализма. В самом деле всё дозволено, если Бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего у него нет оправдания» [17, с. 322]. Сам же Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» говорил о том, что все главные для человека вопросы по сути сводятся к одному, самому главному, а именно: бессмертна ли душа человека? В случае положительного ответа на этот вопрос человеческая жизнь обретает смысл, в случае отрицательного теряет его. Проявлением отрицательного ответа на вопрос о бессмертии души у Ф. М. Достоевского становится фигура человекобога. В случае метафизической смерти Бога метафизическая смерть человека – это лишь вопрос времени. Невозможность и абсурдность жизни в обезбоженном мире неизбежно заканчивается у Ф. М. Достоевского логическим самоубийством. Однако важным нам здесь кажется то, что для Ф. М. Достоевского смерть Бога не есть нечто совершившееся, а значит,

бессмысленность человеческой жизни не неизбежность, а результат игр разума. Чувство Бога – это положительный ответ Ф. М. Достоевского об абсурдности мира. И рождается оно в горизонте сознания.

На наш взгляд, экзистенциальный стиль – это то, что объединяет Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова. Вскрывая проблему сознания в области их философий, мы одновременно отвечаем и на вопрос о бессмысленности или наполненности смыслами мира для человека.

«Усиленно сознающий» человек Ф. М. Достоевского

В 1864 г. была издана повесть Ф. М. Достоевского под названием «Записки из подполья». Многие мыслители, среди которых В. В. Розанов, отмечают, что должного внимания со стороны мыслящего сообщества она не получила. «“Записки из подполья” Ф. М. Достоевского есть “unicum” в русской литературе, ни на какое другое произведение в ней не похожее, чрезвычайно ценное и многозначительное, не “войдя” в которое совершенно нельзя понять Достоевского, не “преодолев” которое чрезвычайно трудно двигаться или продолжать двигаться “вперед” по стезе человеческого прогресса, немного розовой, немного даже “румянощечкой” и, во всяком случае, очень счастливой стезе...» [16, с. 488]. Согласно замечаниям самого Ф. М. Достоевского, в этой повести он продолжил делать то, что начал ещё в «Двойнике», а именно выводить самый значимый тип в русском обществе – тип «подпольного человека». Нам это произведение будет интересно ещё и как такое, в котором наиболее полно, на наш взгляд, выражены идеи Ф. М. Достоевского о двойственности природы человека, причиной которой является сознание.

Прежде чем перейти к «Запискам из подполья», бегло проанализируем «Двойника». Главный герой повести Яков Петрович Голядкин в один из дней собирается и едет без приглашения к доктору медицины и хирургии Крестьяну Ивановичу Рутеншицу. Приехав, Голядкин садится на стул и начинает, казалось бы, без причин рассказывать доктору, какой он человек. «Иду я, – говорит господин Голядкин, – прямо, открыто и без окольных путей, потому что их презираю и предоставляю это другим» [6, с. 133]. Будучи не в силах остановиться, герой добавляет о себе, что он любит спокойствие, а не светский шум, действует бесхитростно, никому не вредит, хотя мог бы, а ещё не является интриганом, чем гордится. Горящие глаза Голядкина и трясущиеся губы выдают его невероятное волнение, из чего мы можем сделать закономерный вывод о том, что для него этот разговор является почему-то очень важным. Доктор смотрит на посетителя в недоумении и предлагает ему рецепт на медикаменты. Что произошло с господином Голядкиным? Внезапно он обнаружил, что то, что думает о себе он сам и то, что о нём думают другие, – это совсем разные вещи. И Голядкин пытается навязать миру тот образ себя, который он сконструировал в своём сознании. Далее герой собирается и едет на вечеринку по случаю дня рождения дочери своего благодетеля Клары Олсуфьевны Берендеевой. Там господин Голядкин сталкивается с тем, что его отказываются пускать в дом, в который всегда пускали. Проникая на вечеринку без спроса с чёрной лестницы, оскандалившийся Голядкин пытается поздравить именинницу, но сбивается, хочет пригласить её на танец, но спотыкается, пробует найти себе стул и сесть, но не может. Самые простые действия в реальности становятся недоступными господину Голядкину, и он убегает в мир своих грёз. Стоя посреди зала, он воображает, что люстра сейчас упадёт на Клару Олсуфьевну, а он кинется и спасёт её, бросив в конце всего лишь одну фразу: «не беспокойтесь, сударыня; это ничего-с, а спаситель ваш я» [6, с. 155]. Обернувшись, господин Голядкин видит, что к нему уже идёт слуга Герасимыч, который хочет вывести его из квартиры. Голядкин пытается возражать и говорит ему, что он здесь на своём месте, но ведь место, которое человек занимает в обществе, должно быть согласовано с его членами, а в случае с господином Голядкиным места этого за ним никто не признаёт, и его силой выталкивают из квартиры. Убежав с вечеринки, тёмной ночью Яков Петрович раздвоился. Будучи распятым между

действительностью, в которой у него ничего не получается, и грёзой, куда он убегает от реальности, Голядкин не смог удержать свою личность от распада.

«Записки...» написаны от первого лица и начинаются с признания героя в том, что он человек больной, злой и непривлекательный, а ещё у него болит печень. В сноске к первой главе под названием «Подполье» Ф. М. Достоевский обращает наше внимание на то, что такие люди, как герой записок, «не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе» [8, с. 596]. Кроме того, там же есть ответ на вопрос о том, зачем же эти записки самому «подпольному человеку»? В них «это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно явилось и даже может явиться в нашей среде» [8, с. 596]. А явилось оно нам в подполье, где живёт уже лет двадцать, а значит, не контактирует с миром. Почему мир наличного оказывается редуцированным во имя подполья? Ввиду сильного сознания, ведь «слишком сознавать – это болезнь, настоящая полная болезнь. Для человеческого обихода было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достаётся на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия...» [8, с. 598]. Но болезнью оказывается не только избыток сознания, ведь герой «крепко убеждён, что не только очень много сознания, но и даже всякое сознание болезнь» [8, с. 598], потому что он живёт постоянно им придавленный. Однако несмотря на то, что сознание так тяжело даётся «подпольному человеку», ему хочется возвращаться «в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать... и внутренне, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость» [8, с. 599].

Что происходит с человеком, у которого развито сознание? Редуцированный мир наличного больше не имеет над ним власти, также как аффект, т. е. внешнее причинение, и отсюда появляется человек думающий и следственно ничего не делающий. Кто делает? Тот, кто подвержен внешнему причинению и детерминирован реальными причинно-следственными связями. Но сознающий человек не такой. Он закрывается в подполье и сам на себя воздействует при помощи эмоции, замещая ей действие аффекта. Радикальная редукция мира наличного делает человека не зависящим от внешнего, но приоритизирующим внутреннее. Режим молчания по отношению к миру, в котором живёт «подпольный человек», позволяет ему на месте вытесненного внешнего получить пространство для учреждения внутреннего и жить в горизонте сознания, а не разума. И это человек ненормальный, ведь человек усиленно сознающий вышел, «конечно, не из лона природы, а из реторты» [8, с. 600], что уже «почти мистицизм» [8, с. 600]. Почему этот человек не из природы? Потому что в природе мы имеем дело только с тем, что существует, а человек имеет дело с тем, что ему дано. Он существует в модусе ускользания от что, создавая такие вещи, которые существуют не как наличное, а как мнимости, и существуют потому, что они для него значимы. Так существуют любовь, честность и добро. Где они рождаются? В сознании, где, как справедливо заметил Ф. И. Гиренок, «у всякой вещи бытие является нереальным предикатом, а у призрака, т. е. у мнимости, бытие – реальный предикат, ибо призрак существует в поле сознания» [4, с. 21]. «Подпольный человек» берёт дистанцию от мира для того, чтобы наблюдать за собой, удерживать себя при себе и объяснять себе себя. В подполье он грезит и воздействует на самого себя. Что ему это даёт? Возможность учреждать смыслы. Но смысл нигде не ходит, его добавляет к реальности человек. Почему он становится на это способен? Потому что человек есть сингулярное, т. е. двойственное существо. Он живёт не в мире, а в картине мира, и извлекает из себя смыслы, до которых удваивает реальность. Он есть человек обратной перспективы с приоритетом внутреннего над внешним. Горизонтом, где возможно учреждение смыслов, в человеке становится сознание. «Подпольному человеку» не нужен прогресс, ему нужно только своего самостоятельного хотения и возможности свою волю заявить. И ошибаются те, кому кажется, что можно устроить счастье всего человечества, изобрести такой смысл, который

поиски человека закончит. Смысл – это то, что учреждает сам человек и появляется он в горизонте сознания, его невозможно найти во внешнем мире. Для человека желание важнее понимания, а картина мира важнее мира. «Безграничность, неуловимость, всеобъемлемость “я хочу”, наконец всеправность “я хочу” Достоевский противоположил всемирному “я понимаю”. И его “я хочу” разбило “они понимают”» [16, с. 489].

Таким образом, мы понимаем, что сознание у Ф. М. Достоевского – это горизонт, в котором человек создаёт смыслы. Он извлекает их из своих грёз и наполняет ими реальность. Смыслы становятся не тем, что можно найти, а тем, что необходимо создавать. И создавать в горизонте сознания. Для этого надо идти не в мир, а от мира, взяв от него дистанцию, молчать. Ведь молчание позволяет человеку наблюдать за внутренним, т. е. за процессом рождения собственных грёз. Потому что внутренняя жизнь человека начинается с «подчинения себя своим грёзам» [2, с. 88].

Герои А. П. Платонова в поисках смысла

Многие исследователи творчества А. П. Платонова (1899–1951), например В. В. Заманская в главе «Истоки и контексты: Накануне “переоценки всех ценностей” и в её безднах» работы «Экзистенциальная традиция в Русской литературе XX века: диалоги на границах столетий», пишет о том, что генетические корни трагического сознания, присущего Платонову, лежали в том числе в творчестве Ф. М. Достоевского и его попытках исследовать глубины и противоречия человеческой души. Именно идеи Достоевского, по её мнению, оказали существенное влияние на мировоззрение и мироощущение Платонова.

М. А. Дмитриевская отмечает, что А. П. Платонов продолжает в своих произведениях развивать идеи Ф. М. Достоевского о том, что будет с людьми в случае, если они объединятся, утратив идею о Боге и бессмертии.

В. В. Варава в своей статье «Платонов как философ» резюмирует: «глубочайшая философичность есть алиби его (Платонова. – К. Х.) творчества. Он буквально воспринял заветы Веневитинова и Достоевского, развил их в своём творчестве до немислимых масштабов и размеров» [1, с. 9].

Таким образом, мы можем говорить о том, что рецепция идей Ф. М. Достоевского в творчестве А. П. Платонова – это то, что единодушно признаётся исследователями творчества последнего.

Итак, ответим на вопрос о том, что такое сознание для Андрея Платонова. Известный исследователь творчества А. П. Платонова М. А. Дмитриевская, к которой мы уже обращались ранее, уделяет в своих работах значительное внимание пониманию сознания в творчестве Платонова. Анализируя такие его работы, как «Чевенгур» (1927), «Котлован» (1930) и «Счастливая Москва» (1933–1936), она приходит к выводу о том, что замкнутость человека в своём сознании, по Платонову, обусловлена его прикованностью к собственному телу, своему Я. Таким образом, необходимым компонентом человеческого сознания становится самосознание: «фактически именно самосознание конституирует сферу человеческого в человеке. Самосознание лежит в основе человеческой памяти, обеспечивает возможность мышления и тождество человеческого “я”» [5, с. 231]. Эволюция сознания, согласно взглядам М. А. Дмитриевской, описывается Платоновым в романе «Чевенгур» на примере формирования сознания Александра Дванова. Будучи ребёнком, Дванов полностью отождествлял себя с окружающим миром: «Я так же, как он» [14, с. 47], – часто говорил себе Саша. Описывая ощущение слиянности Саши самого себя с окружающим миром, Платонов пишет, что тот ощущал своё единство с предметами: «Саша воображал себя паровозом» [14, с. 47] и, «засыпая, он думал, что куры в деревне давно спят, и это сознание общности с курами или паровозом давало ему удовлетворение» [14, с. 47]. Рождение сознания у героя демонстрируется Платоновым в появлении у него чувства Я. Впервые это происходит на кладбище, когда Саша идёт к могиле отца: «в первый раз он подумал сейчас про себя и тронул свою грудь: вот тут я, – а всюду было чужое и непохожее на него» [14, с. 25]. Таким образом, рождение сознания оказывается

связанным с ощущением собственного тела и, как следствие, своего положения в пространстве. Итогом появления собственного Я становится отрыв человека от мира, который в этот момент начинает ощущаться как огромный и опасный. «Рождение самосознания отделяет человека от самого себя и от мира и порождает ощущение внутренней пустоты, которая должна быть заполнена» [5, с. 232]. Третье рождение сознания Саши Дванова приходится на период, когда после болезни ему снится, что он, будучи машинистом паровоза, видит длинную, уходящую вдаль дорогу. Таким образом, в нём формируется ощущение жизни как пути.

Показывая становление и развитие человеческого сознания, Платонов особое внимание акцентирует на двойственности человека. Она проявляется в отрыве человека от мира, в том, что он живёт, смотря одновременно вовне и на себя самого. По отношению к самому себе человек становится «евнухом души», «ангелом-хранителем» и «мёртвым братом человека». Так, Платонов подчёркивает, что «рефлексивность сознания обеспечивает наблюдение над эмпирическим я» [5, с. 233]. Чем же оборачивается для человека этот разрыв с миром и с самим собой, который конституирован сознанием? Он начинает испытывать мучительные переживания, связанные с ощущением одиночества и оторванности от людей и мира. В попытках избавиться от этого чувства человек стремится к другому. Так, в Чевенгуре «прочие» пытаются завести семью, чтобы отвлечься от сосредоточенности на самом себе, а Воцев в «Котловане» «уже был доволен и тем, что истина заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, который сейчас только говорил с ним, значит достаточно лишь быть около того человека» [12, с. 458]. Таким образом, направленность на другого принимает у Платонова форму дружбы или любви. Отсюда вытекает слиянность мысли, ощущений и переживаний. Быть с другим для Платонова значит чувствовать его, сопереживать ему, воображать себя на его месте, ощущать его. Изолированное существование человека так становится тем, что не обладает большой ценностью. Высшее существование видится ему в другом человеке, как в том, кто является целостным и лишённым той неполноты, на которую меня обрекает самосознание. Связано это с тем, что, воспринимая Ты, человек не может войти в отношении к нему в ту рефлексивность, которая присутствует у него в отношении к Я. Именно поэтому другой человек всегда будет обладать той полнотой существования, которая недоступна для меня самого. Другой будет достраивать Я до целостности, исцелять его. Возможным такое исцеление становится лишь благодаря тому, что у человека есть ощущение необходимой полноты своей природы. Так, герой «Чевенгура» Яков Титыч периодически выдумывал, что «пешеход, идущий с ним рядом, есть его собственный человек, и в нём находится всё самое главное, пока недостающее в Якове Титыче» [14, с. 308].

В своей повести «Котлован» Андрей Платонов рассказывает о странном, непохожем на остальных человеке по фамилии Воцев. В свой тридцатый день рождения он был уволен с механического завода по причине «слабосильности» и задумчивости. Задумывался товарищ Воцев о плане жизни и о своей полезности в мире. На вопрос о том, кто будет действовать, если все как Воцев вознамерятся думать, он отвечал: «без думы люди действуют бессмысленно» [12, с. 451]. Слабость в его теле была вызвана тем, что «он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться» [12, с. 452]. Так и жил Воцев, «окружённый всеобщим существованием» [12, с. 453], и «как заочно живущий» [12, с. 455], а также был единственным, кто озабочен поисками смыслов. Смысл жизни он ищет потому, что владеть им «равносильно вечному счастью» [12, с. 458]. Раньше Воцев был, по его словам, «бессознательным, жил ручным трудом, а уж потом не увидел значения жизни и ослаб» [12, с. 459]. Быть бессознательным, таким образом, значит не иметь потребности в поиске смысла. Представителями сознательного в повести становятся другие работники котлована, например Сафронов, который считал, что нечего жизни зря пропадать, надо сделать какую-то вещь. Сознательность Сафронова вызвана тем, что, как ему кажется, он нашёл смысл своей

жизни, а именно: с энтузиазмом делать какие-то вещи во имя светлого будущего мирового пролетариата, ведь люди «не животные, они могут жить ради энтузиазма» [12, с. 464]. И это знание даёт ему силы действовать. Для Вощева же грядущее счастье рабочего класса не является смыслом и целью жизни, его силы исчезают, а новые вопросы всё появляются. Смотря на тех, кто его окружает, Вошев всё время пытается понять, знают ли они смысл жизни, где его взяли и каково им живётся с этим чувством. Иногда он подходит к людям и задаёт им вопрос: «а вы не знаете, от чего весь мир устроился?» [12, с. 472], но ответов не получает. Вошев ищет и ищет ответы, потому что ему «без истины стыдно жить» [12, с. 478], а то, что ему пытаются внушить, не кажется ему хоть сколько-нибудь убедительным. В своих попытках обрести смысл жизни и полноту Вошев так же, как и герои «Чевенгура», стремится к другому, хочет быть с ним рядом и найти через него избавление от той боли, которой оборачивается его бессмысленное существование.

Резюмируя всё вышесказанное, мы выделим ключевые моменты в понимании сознания А. П. Платоновым. В первую очередь это причина разрыва человека и мира, возникновения тех самых «проклятых вопросов», о которых писал Ф. М. Достоевский. Именно в сознании лежит исток трагизма человеческого существования, ведь отдельность и оторванность Я противоречит стремлению каждого человека к бесконечности и обретению полноты. Кроме того, сознание человека никак не связано с обретением им смысла жизни: «в земле есть истина, раз она произошла и существует, но нет сознания, а в человеке есть сознание, но в нём нет смысла жизни» [13, с. 95]. И наконец, человек является существом двойственным, т. е. тем, кто направлен вовне и на себя, и эта двойственность оборачивается для него трагедией.

Выводы

Важность понимания сознания у Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова кажется нам неоспоримой, ведь именно разница в трактовке ими этого феномена создаёт разную антропологию у этих мыслителей. И в том и в другом случае сознание становится тем, что делает человека двойственным существом. В случае с Ф. М. Достоевским мы говорим о том, что сознание – это горизонт, внутри которого учреждаются смыслы. Благодаря этому происходит врывание метафизического в реальность, и происходит оно через человека. Кроме того, преодоление человеком его раздвоенности, т. е. итоговое совпадение с самим собой, всегда оборачивается для него трагедией. Ведь в этом случае человек становится «органическим шифтиком», которому нечего дать этому миру. Изживая собственную двойственность, человек встраивает себя в горизонт сущего. В случае же с А. П. Платоновым мы говорим о том, что сознание – это в первую очередь самосознание, в результате появления которого человек чувствует себя оторванным от людей и мира, заброшенным. Присущее ему изначально стремление к полноте и невозможность её достичь приводят к тому, что человек чувствует мир обесмысленным, а своё существование ощущает как трагедию. Таким образом, порождённая сознанием двойственность человека не становится продуктивным горизонтом для учреждения смыслов как у Ф. М. Достоевского, а становится тем, что толкает человека искать истину в другом. Человек Ф. М. Достоевского является создателем смыслов, а герой А. П. Платонова – его искателем вовне. Человек Ф. М. Достоевского не хочет иметь дело с миром, он взбрыкивает каждый раз против него, пытается его редуцировать. А герой Платонова стремится к другому в попытках обрести недостающее и преодолеть собственную неполноту. Несмотря на то, что в подполье герой «Записок...» постоянно порождает «проклятую бурду» из вопросов и «вонючую грязь», сознание создаёт возможность для учреждения смыслов, и «подпольный человек» начинает видеть дворец на месте курятника. Именно поэтому герой «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского уходит от мира, а Вошев А. П. Платонова стремится к нему, просит другого не спать и не оставлять его наедине с собой, ведь именно связь с Ты ощущается им как возможность найти смысл. Преподобный Иустин Попович, глубоко прочувствовав важность понимания сознания человека, писал: «сознание – самая издевательская привилегия, которую имеет человек» [15,

с. 73]. Несмотря на разницу в трактовках, и Ф. М. Достоевский, и А. П. Платонов приложили значительные интеллектуальные усилия, чтобы понять, что такое сознание человека. Оригинальность и самобытность их идей приятно удивляют нас и сегодня.

Список литературы

1. Варава, В. В. Платонов как философ / В. В. Варава // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 8–17.
2. Гиренок, Ф. И. О галлюцинозе сознания / Ф. И. Гиренок // Российский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 85–90. – doi: 10.15643/libartus-2021.2.2.
3. Гиренок, Ф. И. Удовольствие мыслить иначе / Ф. И. Гиренок // Литературная Россия. – 2006. – 23 февраля (№ 19). – С. 1.
4. Гиренок, Ф. И. *Nomo hallucinatus*: идея двойной инверсии в исследовании человека / Ф. И. Гиренок // Философские науки. – 2023. – Т. 66, № 2. – С. 7–25. – doi: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25.
5. Дмитровская, М. А. Язык и мирозерцание А. Платонова : дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Дмитровская. – Москва, 1999. – 277 с.
6. Достоевский, Ф. М. Двойник / Ф. М. Достоевский // Униженные и оскорбленные: романы, повести. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 121–270.
7. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 1056 с. – (Русская литература. Большие книги).
8. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2019. – С. 596–674.
9. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в Русской литературе XX века: диалоги на границах столетий / В. В. Заманская. – Москва : Флинта: Наука, 2002. – 304 с.
10. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. – Москва : Политиздат, 1990. – С. 119–356. – (Мыслители XX века).
11. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. – Москва : Политиздат, 1990. – С. 23–100. – (Мыслители XX века).
12. Платонов, А. Котлован / А. Платонов // Платонов А. Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – С. 449–558. – (Русская литература. Большие книги).
13. Платонов А. П. Фрагменты черного автографа повести «Котлован» / публ. Т. М. Вахитовой и Г. В. Филиппова // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 178–182.
14. Платонов, А. Чевенгур / А. Платонов // Платонов А. Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – С. 5–376. – (Русская литература. Большие книги).
15. Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского / преп. Иустин (Попович) ; пер. с серб. И. А. Чароты. – Минск : Издательство Дмитрия Харченко, 2014. – 439 с.
16. Розанов, В. В. Одна из замечательных идей Достоевского / В. В. Розанов // В. В. Розанов. Собр. соч. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – Москва : Республика, 1995. – С. 487–494.
17. Сартр, Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм? / Ж. П. Сартр // Сумерки богов / Ж. П. Сартр. – Москва : Политиздат, 1989. – С. 319–344.
18. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – Санкт-Петербург : А-сэд, 1994. – 408 с.

References

1. Varava, V. V. Platonov kak filosof [Platonov as a philosopher]. *Gumanitarnye vedomosti Tuls'kogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo* [Humanitarian bulletins of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy]. 2016, vol. 17, no. 1, pp. 8–17.
2. Girenok, F. I. O gallyutsenozе soznaniya [About the hallucenosis of consciousness]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Russian Humanitarian Journal]. 2021, vol. 10, no. 2, pp. 85–90. doi: 10.15643/libartus-2021.2.2.

3. Girenok, F. I. Udovolstvie myslit inache [The pleasure of thinking in a different way]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 2006, February 23 (no. 19), p. 1.
4. Girenok, F. I. Homo hallucinatus: ideya dvoynoy inversii v issledovanii cheloveka [Homo hallucinatus: the idea of double inversion in human research]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2023, vol. 66, no. 2, pp. 7–25. doi: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25.
5. Dmitrovskaya M. A. *Yazyk i mirosozertsanie A. Platonova* [Platonov's Language and Worldview]. Dr. hist. sci. diss. Moscow; 1999, 277 p.
6. Dostoevskiy, F. M. Dvoynik [The Double]. *Unizhennyye i oskorblennyye: romany, povesti* [The Insulted and the Injured: novels, novellas]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2020, pp. 121–270.
7. Dostoevskiy, F. M. *Dnevnik pisatelya* [The Writer's diary]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2021, 1056 p.
8. Dostoevskiy F. M. *Zapiski iz podpolya* [Notes from the underground]. Moscow: ALFA-KNIGA; 2019, pp. 596–674.
9. Zamanskaya, V. V. *Ekzistentsialnaya traditsiya v Russkoy literature XX veka: dialogi na granitsakh stoletiy* [Existential tradition in the Russian literature of the 20th century. Dialogues on the borders of the century]. Moscow: Flinta: Nauka; 2002, 304 p.
10. Kamyu, A. Buntuyushchiy chelovek [The rebellious man]. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat; 1990, pp. 119–356.
11. Kamyu, A. Mif o Sizife. Esse ob absurde [The myth about Sisyphus. An essay about the absurd]. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat; 1990, pp. 23–100.
12. Platonov, A. Kotlovan [The Pit]. *Platonov A. Chevengur. Sokrovennyy chelovek. Kotlovan: roman, povesti, rasskazy* [Chevengur. An intimate person. The Pit: novel, novellas, short stories]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2022, pp. 449–358.
13. Platonov A. P. Fragmenty chernovogo avtografa povesti “Kotlovan” [Fragments of the rough autograph of the story The Pit]. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [Creativity of Andrei Platonov: Research and materials. Bibliography]. St. Petersburg; 1995, pp. 178–182.
14. Platonov, A. Chevengur [Chevengur]. *Platonov A. Chevengur. Sokrovennyy chelovek. Kotlovan: roman, povesti, rasskazy* [Chevengur. An intimate person. The Pit: novel, novellas, short stories]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2022, pp. 5–376.
15. Prepodobnyy Iustin (Popovich). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky's Philosophy and Religion]. Minsk: Izdatelstvo Dmitriya Kharchenko; 2014, p. 439.
16. Rozanov, V. V. Odnazamechatelnykh idey Dostoevskogo [One of Dostoevsky's wonderful ideas]. *Rozanov V. V. Sobranie sochineniy. O pisatelstve i pisatelyakh* [Collected Works. About writing and writers]. Moscow: Respublika; 1995, pp. 487–494.
17. Sartr, Zh. P. Ekzistentsializm – eto gumanizm? [Is existentialism humanism?]. *Sartr Zh. P. Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat; 1989, pp. 319–344.
18. Fuko, M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg: A-cad; 1994, 408 p.

Информация об авторе

Холоднова К. Н. – аспирант.

Information about the author

Kholodnova K. N. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.